

Paul
BOWLES
1910–1999

Пол
БОУЛЗ

Под покровом небес

Роман

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44
Б 86

Paul Bowles
THE SHELTERING SKY
Copyright © 1949,1976, Paul Bowles
All rights reserved

Перевод с английского Владимира Бошняка

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Валерия Гореликова

ISBN 978-5-389-10960-5

© В. Бошняк, перевод, 2015
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2016
Издательство АЗБУКА®

Посвящается Джейн

ПРЕДИСЛОВИЕ

Все началось под вечер в конце июля 1947 года. Я тогда только что очнулся от навоеванной жарой снесты, потому что летний Фес местечко довольно теплое¹. Помню духоту в номере и ощущение клаустрофобии. «Вот возьму сейчас открою окно, — мечтал я, — а внизу окажется уахрэйнский порт и на меня повеет вечерней прохладой и свежестью». Я уже весь был погружен в роман, который начинал писать. На первой странице должна была отразиться затхлая гостиничная комнатенка, где я как раз и валялся. Как только у меня это выйдет, дальше можно будет направлять события куда угодно.

Зная, что путь предстоит неблизкий, я решил, что путешествовать лучше в обществе женщины, предпочтительнее всего жены, место которой рядом, в смежной комнате. Единственной женщиной, с которой я куда-либо ездил, была моя жена Джейн. Сказано — сделано, тут же сочинил жену: жена не подведет, будет со мной до конца пути. Так моей напарницей стала этакая поддельная Джейн. Надо думать, во многом

---

¹ *Примечание автора:* В связи с тем, что в книге отправной точкой путешествия должен был стать Оран (город в Алжире), гостиницу, где произошло это мое пробуждение, я перенес из Феса туда. В Марокко же моих героев не заносило ни разу.

из-за этого и возникла легенда, будто Джейн в той поездке была со мной. Сколько бы я впоследствии ни твердил, что ее там не было, сколько ни настаивал на том, что в книге все выдуманно и ничего автобиографического в ней нет, все напрасно. Так что, хотя Джейн в то время еще не ступала на землю Африки, а сидела себе спокойно у бассейна в Коннектикуте, критики все расценили по-своему, и в результате утвердилось мнение, что съездить со мной в Сахару она уже успела.

Бернардо Бертолуччи, зажегшись пагубным стремлением сделать из такой вот не самой податливой книги фильм, решил, что в этом кроются большие возможности для рекламы. Дебре Уингер постарались придать как можно большее сходство с Джейн. То, что мне к тому времени стукнуло уже восемьдесят, его, похоже,нисколько не смущало. Разумеется, сам по себе фильм к кампании по преданию гласности подробностей нашей частной жизни отношения не имеет. Этим грешила только его реклама. Однако чем меньше тут будет сказано о фильме, тем лучше.

Зачем мне понадобилось убить в середине книги главного героя, сейчас уже и не припомню. Возможно, я терзался некими угрызениями по поводу того, что, когда сам болел брюшным тифом, перитонита удалось избежать: мне казалось, что это как-то нечестно, жизнь теперь дана мне как бы в долг, и, что бы со мной в дальнейшем ни случилось, жив я в любом случае лишь по милости этого внешнего врага. На самом деле обойтись без перитонита мне помогло лечение в американском госпитале в Нейи, а также крепкое здоровье, которое в двадцать один год свойственно многим. Тем не менее через пятнадцать лет я дал этому затаившемуся врагу убить моего героя и бросил на произвол судьбы вымышленную жену, чью личность

мало-помалу выстраивал на протяжении всей книги. Впоследствии, выйдя из состояния одержимости, в котором пребываешь, пока пишешь книгу, я понял, что смерть главного героя была необходима, поскольку важнее всего мне было получить опыт умирания, причем не со стороны, а как бы изнутри, — значит, умирать должен был я сам. Сразу обнаружилось, что эта моя мнимая смерть толкает вперед весь роман, но потом, конечно, подоспели новые проблемы. Все стало зависеть от Кит, то есть от того, к чему она будет вынуждена прибегнуть ради выживания. Сюжетных возможностей тут было несметное множество. Роман двигался вслед за фантазиями Кит, которые, по мнению некоторых критиков, были не чем иным, как моими собственными мужскими (а значит, нелепыми) фантазиями. Хотя и впрямь: в последней части книги сквозь все сюжетные перипетии проглядывает то, что Кит рассматривается как лицо, что называется, страдательное.

С публикацией книги все оказалось не так-то просто. Написанная по заказу издательства «Даблдей», она была им сразу отвергнута: мол, это и не роман вовсе. Потом в течение следующего безрадостного года от нее воротили нос все издатели, кому ни покажи. В конце концов я сам (даже не мой агент) послал машинописную рукопись Джеймсу Лафлину из «Нью дайрекшнз», и — о чудо! — он оценил ее и согласился напечатать. В тот момент его бухгалтерия уже отчиталась по доходам за 1949 год, и он не мог рисковать тем, что позиция, которую уже как бы закрыли, объявив убыточной, вдруг даст прибыль (книга заинтересовала его с чисто литературной, а не коммерческой точки зрения), поэтому он ограничил тираж тремя с половиной тысячами экземпляров вместо десяти тысяч, рекомендованных рецензентами из «Паблшерз

уикли». Книга вышла во второй декаде декабря, но праздничный торговый бум пропал зря: тиража просто не хватило.

Несмотря на все эти препятствия, роман родился здоровеньким и даже теперь, по прошествии почти пятидесяти лет, чувствует себя куда живее и бодрей своего автора.

*Пол Боулз
Танжер, 1998*

Книга первая

Чай посреди Сахары

Судьба каждого человека становится его личным достоянием лишь постольку, поскольку может оказаться схожей с тем, что уже хранит его память.

Эдуардо Маллеа

I

Он проснулся, открыл глаза. Вид помещения мало что ему говорил: слишком глубоким было погружение в небытие, из которого он только что вынырнул. На то, чтобы устанавливать истинную свою позицию во времени и пространстве, не было не только сил, но и желания. Где-то он есть, куда-то все же возвратился из безмерных просторов, имя которым ничто; вернулся с чувством бесконечной и неизбывной печали, царящей в сердцевине сознания, но эта печаль успокаивала, поскольку лишь она была ему хорошо знакома. В дальнейших утешениях он не нуждался. Не двигаясь, немного полежал еще в полном покое, удобстве и расслабленности, затем опять забылся поверхностным и коротким сном, как это бывает после сна долгого и глубокого. Вдруг вновь открыл глаза и поднес к ним запястье с часами. Взгляд на часы был чисто рефлекторным; положение стрелок лишь озадачило. Сел, обвел взглядом безвкусно обставленную комнату, пощупал ладонью лоб и, глубоко вздохнув, вновь откинулся на подушку. Но теперь он проснулся окончательно; еще через несколько секунд уже понял, где он, и уяснил, что говорили стрелки на часах. То есть, что дело к вечеру и что заснул он после ланча. Из соседней комнаты доносились шаги — там по гладкому кафельному полу шаркала тапочками жена, и этот звук вновь успокоил его, ибо теперь он достиг того уровня сознания, на котором простой уверенности в том, что

ты жив, уже маловато. Не так-то просто ему было смириться с этой высокой, узкой комнатой, где поперек потолка тянутся голые балки, а на стенах механически повторяются чересчур крупные равнодушные узоры неопределенных цветов, принять как данность это закрытое окно с красными и оранжевыми стеклами. Он зевнул: в комнате было нечем дышать. Потом он, конечно, сползет с высокой кровати и распахнет окно, в ту же секунду вспомнив сон. Потому что, хотя ни одной подробности память не сохранила, в сознании еще клубились некие смутные образы. За окном будет воздух, крыши, город, море. Вечерний ветерок обдаст прохладой лицо, он будет стоять, смотреть, и лишь тогда сон вспомнится весь. Ну а пока он может лишь лежать и тяжело дышать, обездвиженный этой душной комнатой и почти готовый вновь забыться сном, — лежать, не то чтобы специально ожидая сумерек, но оставаясь в неподвижности до их прихода.

II

На террасе «Кафе д'Экмюль-Нуазу» сидят несколько арабов, пьют минералку; от остального портового люда их отличают разве что фески нескольких оттенков красного. Одеты по-европейски, но во все выношенное и серое; предметы одежды в таком состоянии, что первоначальный покрой определить затруднительно. Чистильщики обуви, почти голые мальчишки, присев на свои ящички, смотрят на мостовую; они настолько обессилены, что ленятся отгонять мух, ползающих по лицам. Внутри кафе воздух прохладнее, но там он недвижим и пахнет прокисшим вином и мочой.

За столиком в самом темном углу расположились трое американцев: молодая женщина и двое мужчин.

Они тихо переговариваются с таким видом, будто и сейчас, и в прошлом, и всегда времени у них будет уйма. Один из мужчин, тощий малый с постоянно кривящимся в усмешке слегка безумным лицом, складывает огромную многоцветную карту, которую за секунду до этого расстилал на столе. Его жена с интересом, хотя и не без раздражения наблюдает за суетливыми движениями его пальцев: карты повергают ее в оцепенение, а он с ними вечно носитя. Даже в короткие периоды, когда они жили оседло (как ни мало было таких периодов за те двенадцать лет, что они женаты), стоило ему увидеть карту, он тут же начинал страстно в нее вникать, после чего зачастую рождались планы какого-нибудь нового несбыточного путешествия, причем некоторые из них иногда и впрямь в конце концов воплощались в реальность. Туристом он себя не считал: да нет, ну какой он турист? — он путешественник! Разница тут отчасти во времени, объяснял он. Турист по истечении каких-нибудь нескольких недель или месяцев обычно спешит домой, путешественник же, будучи связан с предыдущим местом не более, чем со следующим, переходит с одной части планеты на другую, двигаясь так медленно, что эти его перемещения длятся годами. В самом деле: из того множества мест, куда он наведывался, разве легко ему было бы выбрать такое, где бы он точно чувствовал себя дома? До войны в числе этих мест были Европа и Ближний Восток, во время войны Вест-Индия и Южная Америка. А жена сопровождала его, не приставая с жалобами чересчур часто или чересчур настойчиво.

И вот наконец впервые с 1939 года они пересекли Атлантику, обремененные кучей багажа и намерением держаться как можно дальше от стран, так или иначе затронутых войной. Ибо, как он настойчиво подчеркивал, еще одно важное отличие туриста от путе-

шественника состоит в том, что первый принимает свою собственную цивилизацию без вопросов. Иное дело путешественник: он сравнивает ее с другими и отвергает те ее элементы, которые перестают нравиться. Война же как раз и была одним из тех аспектов механистической эры, о которых ему хотелось забыть.

В Нью-Йорке они узнали, что в числе немногих регионов, куда нынче позволено плыть морем, фигурирует Северная Африка. По опыту предыдущих его поездок, предпринятых еще в юности, когда он был студентом в Париже и Мадриде, они сочли это направление вполне подходящим: отчего бы не провести там годик-другой? Помимо всего прочего, там совсем рядом Испания, да и Италия тоже, так что, если что-нибудь не срастется, можно будет запросто махнуть куда-нибудь туда. В результате маленький сухогруз сутки назад изверг их из комфортабельного чрева на раскаленный причал, где они, потные и хмурые от беспокойства, долго ждали, когда хоть кто-нибудь обратит на них внимание. Пока он там стоял на испепеляющем солнцепеке, его всюю подмывало сходить на судно и спросить, нельзя ли им продолжить плавание до Стамбула; однако, не потеряв лица, это сделать было бы трудновато: ведь это он уговорил их отправиться именно в Северную Африку. Поэтому он лишь бросал оценивающие взгляды то на одну сторону причала, то на другую, отпустил несколько умеренно нелестных замечаний по поводу обстановки в месте их высадки и этим ограничился, решив про себя отправиться вглубь страны, как только это будет возможно.

Второй сидевший за столом мужчина, когда не говорил, все время насвистывал себе под нос невнятные обрывки мелодий. Более крепко сбитый, он был несколькими годами моложе первого и обладал удивительно красивым лицом, на что ему частенько пеняла

женщина: дескать, экий ты у нас красавчик голливудский. Его гладкое личико обычно очень мало что выражало, но в состоянии покоя его черты складывались так, что в них читалось некое обобщенно-вежливое довольство.

Они неотрывно смотрели в сторону улицы, туда, где, пыльный и слепящий, догорал день.

— Война, конечно же, оставила след и здесь.

Миниатюрная и светловолосая при смуглом цвете лица, еще чуть-чуть, и женщина была бы просто красоткой, но от этакой одномерности ее спасала напряженность взгляда. Едва увидишь ее глаза, как остальное лицо словно отходит на задний план, а когда потом пытаешься вспомнить облик, оказывается, что в памяти осталась лишь пронзительная, вопрошающая неистовость распахнутых глаз.

— Ну да, естественно. Через город проходили войска. В течение года, если не больше.

— Кажется, могли бы уж хоть какое-то место на планете оставить в покое, — сказала женщина.

Этим она вознамерилась подольститься к мужу: раскаивалась по поводу досады, которую он только что вызвал в ней манипуляциями с картой. Разгадав это ее желание, но не понимая причины его возникновения, тот предпочел остаться к ее реплике безучастным.

Второй мужчина снисходительно усмехнулся, после чего все же заговорил муж:

— То есть специально ради тебя, ты хочешь сказать?

— Ради нас. Ведь ты же ненавидишь эту гадость не меньше меня.

— Какую такую гадость? — настороженно переспросил он. — Если ты имеешь в виду сие бесцветное нагромождение, которое тщится выдавать себя за

город, то да. Но все равно я тысячу раз предпочту быть здесь, нежели там, в Соединенных Штатах.

— Ну, это конечно, — поспешила согласиться она. — Но я не имела в виду это место, да и вообще какое-либо конкретное место. Я говорила о том кошмаре, который творится после всякой войны повсюду.

— Да ладно, Кит, — сказал второй мужчина. — Ты-то ведь никакой другой войны не помнишь.

Она его не удостоила вниманием.

— В каждой стране люди становятся все более похожими на жителей любой другой страны. Лишенные собственного характера, красоты, идеалов, культуры... У них не остается просто ничего!

Муж потянулся к ней, похлопал по руке.

— Да, ты права, права, — с улыбкой подтвердил он. — Все становится серым, а будет еще серее. Но некоторые местности выдерживают эту осаду дольше, чем можно было бы ожидать. Вот увидишь, в здешней Сахаре...

На противоположной стороне улицы радио разразилось истерическими взвизгами колоратурного сопрано. Кит передернуло.

— Тогда лучше нам поторопиться. Скорей туда, — сказала она. — Там, может, хоть этого не будет.

Будто под гипнозом, они слушали, как певица, подбываясь к концу арии, занимается банальнейшими приготовлениями к неизбежной высокой финальной ноте.

— Ну вот, одно мучение кончилось, — дождавшись, сказала Кит. — Это надо запить еще одной бутылочкой «Ульмес».

— Боже мой, сколько можно надуваться этим газом? Ты взлетишь!

— Знаю, Таннер, — отозвалась она, — но я, кроме воды, ни о чем думать не могу. На что бы ни посмот-

рела, все вызывает жажду. Зато я наконец-то чувствую, что готова сесть в поезд и никуда оттуда не рваться. А пьянствовать на такой жаре я не способна.

— А мы? Вдарим еще по перно? — спросил Таннер Порта.

Кит нахмурилась:

— Если бы это был настоящий перно!

— Да ну, он неплохой, — сказал Таннер, когда официант ставил на стол бутылку минеральной воды.

— *Ce n'est pas du vrai Pernod?*¹

— *Si, si, c'est du Pernod*², — сказал официант.

— Ну давай, что ли, еще по чуть-чуть, — сказал Порт.

Он сидел, тупо уставившись в свой бокал. Пока официант не отошел, все молчали. Сопрано завело другую арию.

— Она же вовсю фальшивит! — почти вскрикнул Таннер.

Трамвай, проехавший вдоль бульвара, террасой опоясывающего склон горы, звоном и скрежетом на несколько секунд заглушил музыку. Под их взглядами из-под солнцезащитной маркизы тряско пронеслась мимо его открытая платформа, битком набитая людьми в рваной одежде.

— Я нынче ночью видел странный сон, — сказал Порт. — Все пытался его вспомнить, и вот как раз сейчас мне это удалось.

— Нет! — вырвалось у Кит. — Сны — это скука и тоска! Пожалуйста, не надо!

— Ага, не хочешь слышать! — засмеялся он. — А я *все равно* тебе его расскажу.

Последнюю фразу он произнес с какой-то злобностью, наигранной, как Кит сначала показалось, но,

---

¹ Это правда перно? (фр.)

² Да-да, это перно (фр.).

подняв на него взгляд, она обнаружила, что на самом деле, наоборот, он пытается даже скрыть обуявшую его ярость. И все те колкости, что уже вертелись у нее на языке, остались невысказанными.

— Да я по-быстрому, — улыбнулся он. — Знаю, слушая меня, ты делаешь мне одолжение, но, если я не облеку этот сон в слова, я его снова забуду. Все происходило как бы днем, я ехал в поезде, который все больше и больше разгонялся. Я про себя думал: «Сейчас мы протараним огромную постель, и простыни разлетятся по горам».

— А ты загляни в «Цыганский сонник» мадам Лаэф.

— Заткнись. А еще я при этом думал, что, если захочу, смогу прожить жизнь заново: начать сначала и дойти до самого нынешнего момента, проживая такую же точно жизнь, как прежняя, вплоть до мельчайших деталей.

Кит удрученно зажмурилась.

— В чем дело? — осведомился он.

— Думаю, с твоей стороны чрезвычайно невежливо и эгоистично таким вот образом настаивать на своем, прекрасно зная, насколько это нам неприятно.

— А мне зато так приятно! — сказал ее муж фальшиво радостным тоном. — Да и Таннеру наверняка интересно. Я прав?

Таннер заулыбался:

— О, на снах я собаку съел. Сонник Лаэф наизусть знаю.

Открыв один глаз, Кит покосилась на него. В этот момент подали спиртное.

— ...Но я сказал себе: «Нет! Нет!» Просто не мог смириться с тем, что все мои жуткие страхи и страдания повторятся, причем *во всех подробностях*. А потом — совершенно беспричинно — глянул в окно на деревья и вдруг слышу собственный голос: «Да!»

Я осознал, что хочу пройти через все это снова хотя бы только для того, чтобы вдохнуть тот аромат весны, какой вдыхал ребенком. Но тут же понял, что опоздал, потому что, еще думая «Нет!», я поднял руку, взял себя за передние зубы и отломил их, как будто они из гипса или шпаклевки. Смотрю, поезд уже остановился, а я держу зубы в руке и плачу. Эткими, знаете ли, горячими слезами, как плачут только во сне, когда лежишь и от рыданий весь трясешься и содрогаешься. Представляете?

Неловко поднявшись, Кит вышла из-за стола и направилась к двери с табличкой «Dames». Было заметно, что она плачет.

— Пусть, не мешай ей, — сказал Порт Таннеру, на чьем лице отразилось беспокойство. — Измоталась совсем. Жара действует ей на нервы.

Ш

Полулежа в кровати в одних трусах, он читал книгу. Дверь между их с женой смежными комнатами была распахнута, окна тоже. Маяк водил по городу и гавани лучом, который описывал медленный широкий круг; неумолчный шум транспорта перекрывали настойчиво повторяющиеся пронзительные электрические звонки.

— Там что — кинотеатр по соседству? — спросила Кит.

— Наверное, — рассеянно отозвался он, не отрываясь от чтения.

— Интересно, что они там крутят?

— Что-что? — Он отложил книгу. — Только не говори мне, что хочешь сходить в кино.

— Нет, — сказала она не очень уверенно. — Я — так, просто подумалось...

— А я скажу, что они крутят. Фильм на арабском под названием «Невеста напрокат». Там на афише под названием французский перевод дан.

— Даже не верится.

— Мне тоже.

Задумчиво покуривая сигарету, она вошла к нему в комнату и минуту-другую занималась тем, что слонялась по ней кругами. Он поднял взгляд.

— Что с тобой? — спросил он.

— Ничего, — ответила она и, помолчав, пояснила: — Просто расстроилась немножко. Мне кажется, тебе не надо было рассказывать тот сон при Таннере.

Спросить, не поэтому ли она и расплакалась, он не посмел, но все же возразил:

— Почему «при»? Как раз *ему* я этот сон и рассказал, так же как и тебе. Ну и что? Что такое сон? Боже мой, не надо все принимать так близко к сердцу! И почему нельзя при нем о чем-то рассказывать? Чем он тебе не нравится? Мы с ним уже пять лет знакомы.

— Он ужасный сплетник. Сам знаешь. И вообще я ему не доверяю. Уж он из этого такую историю раздует!

— Да с кем же ему здесь сплетничать? — раздраженно воскликнул Порт.

Кит в свой черед тоже начала злиться.

— Ну почему же здесь? Не забывай: мы и в Нью-Йорк когда-нибудь вернемся!

— Да знаю, знаю. В это трудно поверить, но, видимо, вернемся. Ладно. Но что же тут ужасного — даже если он все дословно запомнит и расскажет каждому из наших знакомых?

— Но этот сон... он такой унижительный! Неужто не чувствуешь?

— Да ну на хрен!

Воцарилось молчание.

— Унизительный для кого? Для тебя или для меня?

Она не ответила. Он не унимался:

— Что ты имеешь в виду, говоря, что не доверяешь Таннеру? В чем именно?

— Ну... нет, вообще-то, я ему доверяю, наверное. Но мне с ним никогда не бывает вполне комфортно. Близкого друга я в нем не чувствую.

— Вот те на! Дождалась, когда мы с ним в этой дыре окажемся...

— Да нет, ну так-то он ничего. Так-то он мне очень нравится. Ты не подумай ничего такого...

— Но что-то ты ведь хотела этим сказать?

— Ну разумеется, хотела. Но это все не так важно.

Она вышла, вернулась в свою комнату. Он некоторое время лежал, не меняя позы, и озадаченно глядел в потолок.

Снова принялся за чтение, вдруг прервался.

— Ты точно не хочешь посмотреть «Невесту напрокат»?

— Совершенно точно.

Он захлопнул книгу.

— Пойду, пожалуй, погуляю полчаса.

Он встал, надел спортивную рубашку и колотьмянковые брюки, причесался. Она сидела у открытого окна в своей комнате, полировала ногти. Склонившись к ней, он поцеловал ее куда-то между шеей и затылком — туда, откуда двумя курчавыми колоннами начинаются восхождение ее шелковистые светлые волосы.

— О! какие замечательные духи. Ты их здесь купила? — Оценивая, он шумно потянул носом. Потом совсем другим тоном вдруг говорит: — А все-таки что ты имела в виду? Ну, насчет Таннера...

— Да ну, Порт! Ради бога, давай не будем *обсуждать* это.

— Ладно, детка, будь по-твоему, — покорно согласился он, целуя ее в плечо. И тут же, тоном насмешливого простодушия: — *А думать* мне об этом можно?

Она не отвечала ничего, пока он не подошел к двери. Тут она подняла голову и с обидой в голосе говорит:

— В конце концов, тебя это касается куда больше, нежели меня.

— Ладно, пока. До скорого, — сказал он.

IV

Он шел по улицам, машинально сворачивая на те, что потемнее; наслаждался одиночеством, шагал, ловя лицом вечернюю прохладу. На улицах кишел народ. Его толкали, смотрели на него из дверей и окон, открыто меж собою обсуждали — благожелательно или нет, по их лицам этого не поймешь; а некоторые так и вовсе останавливались только для того, чтобы на него поглазеть.

«Насколько они дружелюбны? Лица как маски. На вид всем будто тысяча лет. Последняя их энергия уходит на слепое, стадное желание выжить, и, поскольку ни один не ест вдоволь, ни у кого из них нет своих собственных сил и стремлений. Интересно, что они думают обо мне? Видимо, ничего не думают. Если я попаду, например, под машину, кто-то из них мне поможет? Или так и оставят лежать на мостовой, пока тело не обнаружит полиция? Да и из каких таких побуждений кто-то из них должен помогать мне? Религии у них никакой не осталось. Интересно, они кто — мусульмане? христиане? Сами не знают. Знают деньги, а когда удастся их заиметь, все, что им нужно, это наесться. Но что же в этом плохого? Почему у меня при всяком взгляде на них возникает такое чувство? Будто

я виноват в том, что мне всегда хватало еды, что я здоров в отличие от них. Все равно ведь страдание распределено между всеми людьми равномерно: никто без своей доли, такой же точно, что и у соседа, не останется...» В глубине души он чувствовал, что последнее утверждение ложно, но сейчас верить в это было необходимо: порой не так легко бывает выдерживать голодные взгляды. Благодаря такого рода мыслям только и мог он продолжать прогулку по здешним улицам. Держась так, будто кого-то не существует — либо его, либо этих местных. Кстати, поди пойми еще, какое из этих двух предположений верно. Не далее как сегодня около полудня испанка-горничная в гостинице ему сказала: «La vida es pena»¹. «Конечно», — ответил он, чувствуя в голосе фальшь и сразу задавшись вопросом: а может ли вообще американец быть искренне согласен с определением жизни, которое приравнивает ее к страданию. Впрочем, в тот момент это ее суждение показалось ему правильным, потому что она была стара, морщиниста и явно, что называется, из народа. Многие годы одним из прочно укорененных в его сознании предрассудков было мнение, будто истинное проникновение в реальность следует искать в разговорах с людьми физического труда. Но с некоторых пор он ясно видел, что и характер их мышления, и строй речи столь же догматичен и негибок, а следовательно, так же мало способен раскрывать подлинные глубины бытия, как и у людей из любых других слоев общества, и тем не менее он по-прежнему часто ловил себя на том, что продолжает ждать, все так же слепо веруя, что именно из их уст вот-вот услышит некие перлы мудрости. Он шел и шел и вдруг обнаружил, что нервничает: ему открылось, что указательный палец правой руки быстро чертит в воздухе нескон-

---

¹ «Жизнь — это боль» (исп.).

чаемые восьмерки. Вздохнув, он заставил себя это прекратить.

Выйдя на сравнительно ярко освещенную площадь, немного воспрянул духом. Площадь была крохотной, но по всем четырем ее сторонам были выставлены столики со стульями, причем не только на тротуары, но и на мостовую, так что никакому транспортному средству было бы невозможно проехать, не зацепив их. В центре площади был разбит крохотный скверик, украшенный четырьмя платанами, подстриженными в виде раскрытых зонтиков. Под деревьями кружилось и мельтешило не менее дюжины собак самых разных размеров; временами, сгрудившись в кучу, они принимались остервенело лаять. Он замедлил шаг и пошел через площадь, стараясь на собак не наткаться. Осторожно пробираясь под деревьями, вдруг заметил, что с каждым шагом кого-то давит. Земля была сплошь покрыта огромными насекомыми; когда их жесткие панцири лопались, раздавалось что-то вроде крохотных взрывчиков, которые он отчетливо слышал, несмотря даже на гвалт, поднятый собаками. Про себя он отметил, что, столкнусь он с подобным явлением в обычном своем состоянии, его бы передернуло от отвращения, нынче же он почему-то не чувствует ничего, кроме детского какого-то восторга: «Да, я ступил на кривую дорожку, и что с того?» Несколько человек, там и сям сидевшие за столиками, по большей части хранили молчание, но, когда трое из них подали голос, он услышал все три языка, распространенные в городе: арабский, испанский и французский.

Улица мало-помалу пошла под уклон; это его удивило: он думал, что весь город выстроен на склоне, обращенном к гавани, и сознательно выбрал для прогулки направление вглубь страны, а не к берегу и порту. Тем временем запахи становились сильнее. Их бы-

ло много, все разные, но все происходили от того или иного вида нечистот. Столь непосредственная близость известной субстанции, в некотором роде как бы являющейся основой стихии запретного, усиливала его ликование еще больше. Вдобавок он заметил, что извлекает извращенное удовольствие из того, что механически передвигает ноги, ставит одну впереди другой, несмотря на то что усталость дает о себе знать все более явно. «В один прекрасный момент я вдруг замечу, что повернул и двигаюсь обратно», — подумал он. Но до тех пор — ни-ни: принимать такое решение сознательно он не хотел. И от секунды к секунде откладывал тот миг, когда пустится в обратный путь. В конце концов перестал даже и удивляться, и тут в голове начала складываться смутная картинка, образ Кит, которая сидит, полируя ногти, у открытого окна и смотрит на город. По мере того как минута шла за минутой, этот мысленный образ возникал в сознании все чаще и все более он склонен был видеть себя главным действующим лицом некоего зрелища, а Кит — его зрителем. В каждый данный момент ощущение подлинности своего существования он основывал на предположении, что Кит с места не сдвинулась и по-прежнему сидит на том же самом месте. Будто бы из окна она все еще может видеть его, такого маленького и такого далекого, — видеть, как он мерно шагает, то поднимаясь выше, то спускаясь, то в свете фонарей, то во тьме; возникло ощущение, что только она знает, когда ему повернуть и направиться в обратную сторону.

Уличные фонари здесь были очень редки, мостовые на улице кончились. По-прежнему в канавах попадались дети, с визгом и криками играющие чем-то найденным среди мусора. Вдруг ему в спину ударил камешек. Он резко развернулся, но в темноте понять,

откуда камень взялся, не получилось. Через несколько секунд другой камень, брошенный спереди, ударил по колену. В потемках он разглядел группу детей, те кинулись врассыпную. Камни посыпались со всех сторон, но в него больше ни разу не попали. Пройдя дальше и достигнув освещенного места, он остановился, попытавшись приглядеться к двум группам дерущихся, но все убежало во тьму, так что и он тоже вновь двинулся дальше, шагая по-прежнему машинально и ритмично. Сухой и теплый ветер, зарождающийся где-то в темных пространствах впереди, дул прямо в лицо. Понюхав воздух, он учуял в нем отголоски тайны и снова ощутил непривычное возбуждение.

Несмотря на то что улицы становились все менее городскими, город никак не хотел кончаться: по обеим сторонам дороги тянулись ряды лачуг. Дальше фонари кончились вовсе, в окнах хибарок света тоже не было. Лишь тьма и ветер. Да, это он и есть — тот самый ветер, что, налетая прямо с юга, перепрыгивает голые горы (сейчас невидимые, они высятся где-то там, впереди), пробегает над плоским ложем пересыхающего соленого озера (себхи, если по-местному) и врывается на окраину города, поднимая завесу пыли, которая сразу окутывает весь городской склон холма и рассеивается в воздухе уже над гаванью. Он остановился. Вот и последний пригород повис на нитке улицы. За крайней лачугой дорога кончилась, дальше был обрыв — помоечная каменистая осыпь, уходящая вниз по трем направлениям. Внизу в темноте различались неглубокие извилистые русла, похожие на овраги. Порт поднял глаза к небу: мелкая россыпь Млечного Пути походила на гигантский разлом, сквозь который на черноту небес изливалось слабое белое свечение. Вдалеке послышался стрекот мотоцикла. Когда его выхлопы в конце концов смолкли, слушать стало вовсе нечего, разве что время от времени пропоет петух, каж-

дый раз словно обозначив высшую точку повторяющейся мелодии, все остальные ноты которой слуху недоступны.

Он стал спускаться с обрыва вправо, наступая на рыбы скелеты и оскальзываясь в пыли. Оказавшись внизу, нащупал валун, вроде бы чистый, и на него уселся. Кругом стояла оглушительная вонь. Он зажег спичку, та осветила землю, сплошь засыпанную куриными перьями и гниющими арбузными корками. Встав на ноги, услышал над собой шаги — где-то рядом, в самом конце улицы. И впрямь, над обрывом уже возник какой-то силуэт. Пришлый молчал, но Порт был уверен, что тот видел его, шел за ним и теперь знает, что он сидит тут внизу. Незнакомец прикурил сигарету, и на миг Порту сделался виден араб в шешии. Брошенная спичка описала тускнеющую параболу, лицо араба исчезло, на его месте осталась светящаяся красным точка сигареты. Несколько раз прокричал петух. Наконец и пришлый подал голос:

— *Qu'est-ce ti cherches là?*¹

«Ну вот, начинаются неприятности», — подумал Порт. Впрочем, с места не двинувшись.

Араб немного подождал. Подошел к краю обрыва. По пути задел консервную банку, и она с громом скатилась вниз, к самому камню, на котором сидел Порт.

— *Hé! M'sieu! Qu'est-ce ti vo?*²

Порт решил ответить. С французским у него было все в порядке.

— Кто, я? Ничего.

Араб спустился с обрыва, встал перед ним. И с характерной для них нетерпеливой, почти гневной жестикой продолжил допрос. Что вы там делаете,

---

¹ Вы там что-нибудь ищите? (фр.)

² Эй! Мсье! Что вы там забыли? (фр.)

совсем один? Откуда вы взялись? Что вам тут надо? Вы что-нибудь ищете? На все это Порт устало отвечал: ничего. Вон оттуда. Ничего. Нет.

Какое-то время араб молчал — видимо, решая, какое направление придать разговору. Несколько раз он яростно затянулся сигаретой, отчего она засияла очень ярко, потом щелчком выкинул ее и выдохнул дым.

— А не хотите ли прогуляться? — спросил он.

— Что? Прогуляться? Куда?

— А вон туда. — Его рука сделала взмах в сторону гор.

— А там что?

— Ничего.

Между ними вновь повисло молчание.

— Я вас угощу выпивкой, — сказал араб. И сразу же вслед за этим: — Как вас зовут?

— Жан, — сказал Порт.

Араб дважды повторил это имя, словно оценивая его достоинства.

— А меня, — (тут он постучал себя по груди), — Смаил. Ну что, пойдем выпьем?

— Нет.

— Почему нет?

— Мне что-то не хочется.

— Вам что-то не хочется. А чего вам хочется?

— Ничего.

Тут разговор начался сначала по второму кругу. С той лишь разницей, что на сей раз в голосе араба звучало неподдельное возмущение: «*Que'est-ce ti fi là? Qu'est-ce ti cherches?*»¹ Порт встал и принялся карабкаться по склону, однако не тут-то было. Всякий раз он съезжал обратно вниз. Вот и араб уже тут как тут, тянет за локоть.

---

¹ «Что ты там забыл? Что ты ищешь?» (фр.)

— Эй, ты куда, Жан?

Не отвечая, Порт отчаянным рывком выбрался наверх.

— *Au revoir*¹, — бросил он через плечо и быстро зашагал по середине улицы.

Сзади донеслись звуки отчаянного карабканья, через секунду мужчина с ним уже поравнялся.

— Вот! Даже и меня не подождал! — проговорил он обиженным тоном.

— Нет. Я сказал: прощайте.

— Вот еще. Я пойду с тобой.

Порт не ответил. Довольно долго они шли молча. Когда подошли к первому фонарному столбу, араб сунул руку в карман и вытащил оттуда замызганный бумажник. Бросив на него беглый взгляд, Порт продолжал шагать.

— Смотри! — выкрикнул араб, махая бумажником перед его лицом. Порт не смотрел.

— Что там у вас? — равнодушно спросил он.

— Я служил в Пятом стрелковом батальоне. Смотри документ! Смотри! Сам увидишь!

Порт ускорил шаг. Вскоре на улице начали попадаться люди. Никто из прохожих к ним особенно не приглядывался. Такое было впечатление, что рядом с арабом он сделался невидимым. Но теперь он уже не был уверен, что они идут куда следует. И надо было ни в коем случае этого не показывать. Он продолжал шагать прямо вперед, как будто никаких сомнений не испытывал. «Перевалим через гору, и дорога пойдет вниз, — сказал он себе. — А там уж я разберусь».

Вокруг все выглядело незнакомым — дома, улицы, кафе... Даже планировка города по отношению к горе! Вместо перевала, после которого, по идее, должен начаться спуск, чем дальше вперед, тем более явно улицы

---

¹ До свидания (фр.).

лезли вверх, и хоть прямо иди, хоть сворачивай куда угодно. А чтобы вниз, так это надо идти обратно. Араб с надутым видом тащился поблизости — то рядом, то приотстав, когда для двоих проход становился чересчур тесным. Завязать разговор больше не пытался; Порт радостно отметил, что дыхание араба немного сбилось. «Если надо, я могу выдерживать эту гонку всю ночь, — думал Порт, — но как же я, черт подери, в гостиницу-то попаду?»

Внезапно они оказались на улице, которая была просто каким-то коридором. Стены над их головами чуть не смыкались, местами промежутки между ними сужались до нескольких дюймов. На миг Порт засомневался: идти по этой улице ему не хотелось, тем более что к отелю она явно не ведет. Тут оживился араб:

— Не знаешь этой улицы? Называется рю де ла Мер Руж¹. Знаешь ее? Пошли. Тут по дороге есть арабские кафе. Совсем рядом. Пошли.

Порт заколебался. Любой ценой ему хотелось поддерживать впечатление, будто он знает город.

— *Je ne sais pas si je veux y aller ce soir*², — как бы подумал он вслух.

Араб возбужденно схватил Порта за рукав, стал тянуть.

— *Si, si!* — восклицал он. — *Viens!*³ За выпивку плачу я!

— Я не пью. Кроме того, уже очень поздно.

Неподалеку два кота принялись орать друг на друга. Араб шикнул на них и затопал ногами; коты бросились в разные стороны.

— Ну, давай тогда выпьем чаю.

— *Bien*⁴, — вздохнув, согласился Порт.

---

¹ Rue de la Mer Rouge (фр.) — улица Красного моря.

² Не знаю, хочу ли я туда сегодня вечером (фр.).

³ Да, да! Пошли! (фр.)

⁴ Ладно (фр.).

Кафе имело сложный вход. Пройдя в низкую арочную дверь, они оказались в темном коридоре, который вывел в садик. Там стоял густой и не слишком приятный запах лилий, к тому же смешанный с благоуханием отхожего места. Во тьме они прошли через сад и поднялись по длинной лестнице с каменными ступенями. Сверху доносилось стаккато бендира, инструмента, похожего на бубен; в чьих-то руках он вяло подрагивал, задавая ритм колыханию моря голосов.

— Сядем внутри или снаружи? — спросил араб.

— Снаружи, — отозвался Порт.

В ноздри ему проник бодрящий дымок гашиша; ступив на верхнюю площадку лестницы, он непроизвольно пригладил волосы. Даже этот еле заметный жест не укрылся от араба.

— Дам тут не бывает, так что...

— О, это я знаю.

Проходя в дверь, он заметил, что помещение представляет собой длинную анфиладу крохотных, ярко освещенных комнаток, полных мужчин, во множестве сидящих на тростниковых циновках, там и сям покрывающих полы. У всех на головах либо белые тюрбаны, либо красные шеи. Это придавало группе собравшихся такую однородность, что Порт, войдя, не удержался и хмыкнул: «Надо же!» Когда они были уже на террасе под звездами и где-то неподалеку из темноты зазвучали ленивые переборы струн уда, этого предшественника европейской лютни, Порт сказал своему спутнику:

— А я и не знал, что в этом городе еще осталось нечто подобное.

Араб не понял.

— В каком смысле? — переспросил он. — Подобное чему?

— Ну, чтобы одни арабы. Как здесь, например. Я думал, все здешние кафе похожи на те открытые,

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
Книга первая. ЧАЙ ПОСРЕДИ САХАРЫ	11
Книга вторая. ОСТРЫЙ КРАЙ ЗЕМЛИ	173
Книга третья. В НЕБЕСАХ	319
<i>Теннесси Уильямс</i>	
Роман-аллегория: Человек и его Сахара	385
Примечания. В. Бошняк	389

Боулз П.

Б 86 Под покровом небес : роман / Пол Боулз ; пер. с англ. В. Бошняка. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. — 416 с. — (Азбука-классика).

ISBN 978-5-389-10960-5

«Под покровом небес» — дебютная книга классика современной литературы Пола Боулза и одно из этапных произведений культуры XX века; многим этот прославленный роман известен по экранизации Бернардо Бертолуччи с Джоном Малковичем и Деброй Уингер в главных ролях. Итак, трое американцев — семейная пара с десятилетним стажем и их новый приятель — приезжают в Африку. Вдали от цивилизации они надеются обрести утраченный смысл существования и новую гармонию. Но они не в состоянии избавиться от самих себя, от собственной тени, которая не исчезает и под раскаленным солнцем пустыни, поэтому продолжают носить в себе скрытые и явные комплексы, мании и причуды. Ведь покой и прозрение мимолетны, а судьба мстит жестоко и неотвратимо...

Роман публикуется в новом переводе.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание

ПОЛ БОУЛЗ
ПОД ПОКРОВОМ НЕБЕС

Редактор Александр Гузман
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Ольги Варламовой
Корректоры Маргарита Ахметова, Лариса Ершова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 04.02.2016. Формат издания 75 × 100 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 18,33.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

YVAK1899101R

Издательская Группа «Азбука-Аттикус»

В состав Издательской Группы «Азбука-Аттикус» входят известнейшие российские издательства: «Азбука», «Махаон», «Иностранка», «КоЛибри». Наши книги — это русская и зарубежная классика, современная отечественная и переводная художественная литература, детективы, фэнтези, фантастика, pop-fiction, художественные и развивающие книги для детей, иллюстрированные энциклопедии по всем отраслям знаний, историко-биографические издания. Узнать подробнее о наших сериях и новинках вы можете на сайте Издательской Группы «Азбука-Аттикус»

<http://www.atticus-group.ru/>

Здесь же вы можете прочесть отрывки из новых книг, узнать о различных мероприятиях и акциях, а также заказать наши книги через интернет-магазины.

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ
ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве:

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01,

факс: (495) 933-76-19

e-mail: sales@atticus-group.ru;

info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:

Филиал ООО

«Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55,

факс: (812) 327-01-60

e-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве:

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01.

e-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru,

www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей

и творческого сотрудничества

размещена по адресу:

www.azbooka.ru/new_authors